

ЯЗЫК. СЕМИОТИКА. КУЛЬТУРА

МАЛАЯ СЕРИЯ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва

2001

АННА ВЕЖБИЦКАЯ

ПОНИМАНИЕ КУЛЬТУР
ЧЕРЕЗ ПОСРЕДСТВО
КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва

2001

ББК 81.031

В 26

Вежбицкая Анна

В 26

Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А. Д. Шмелева. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — 288 с. — (Язык. Семиотика. Культура. Малая серия).

ISBN 5-7859-0189-7

Основные положения, развиваемые в книге А. Вежбицкой, заключаются в том, что разные языки существенно разнятся в отношении своего словарного состава и эти различия отражают различия ядерных ценностей соответствующих культурных общностей. В своей книге А. Вежбицкая стремится показать, что всякая культура может быть исследована, подвергнута сопоставительному анализу и описана при помощи «ключевых слов» языка, обслуживающего данную культуру. Теоретическим фундаментом такого анализа может служить «естественный семантический метаязык», который реконструируется на основе широких сопоставительно-языковых исследований. Книга адресована не только лингвистам, но также антропологам, психологам и философам.

В издание вошли главы из работы Understanding Cultures through their Key Words: English, Russian, Polish, German, Japanese. New York: Oxford University Press, 1997.

ББК 81.031

*В оформлении обложки использована картина
Питера Брейгеля Старшего «Вавилонская башня»
(Венский Художественно-исторический музей)*

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-7859-0189-7

9 785785 901896 >

© Анна Вежбицкая, 2001

© «Языки славянской культуры», 2001

© А. Д. Шмелев. Перевод с англ., предисловие, 2001

© Ю. С. Саевич. Оформление серии, 2000

СОДЕРЖАНИЕ

А. Д. Шмелев. Могут ли слова языка быть ключом к пониманию культуры?	7
I. Введение	13
1. Анализ культуры и семантика языка	13
2. Слова и культуры	14
3. Различные слова, различный образ мышления? . .	19
4. Культурная разработанность и лексический состав языка	27
5. Частотность слов и культура	30
6. Ключевые слова и ядерные ценности культуры . .	35
7. «Культура» — опасная идея?	38
8. Лингвистические и концептуальные универсалии . .	45
9. «Естественный семантический метаязык»: исход из Вавилона	48
10. Заключение	59
II. Словарный состав как ключ к этносоциологии и психологии культуры: модели «дружбы» в разных культурах	63
1. «Дружба» — универсальное человеческое свойство	63
2. Изменяющееся значение английского слова <i>friend</i> .	68
3. Модели «дружбы» в русской культуре	102
4. Модели «дружбы» в польской культуре	143
5. <i>Mate</i> — ключ к австралийской культуре	169
6. Заключение	201
Приложение	204

III. Словарный состав как ключ к этнофилософии, истории и политике: «свобода» в латинском, английском, русском и польском языках	211
1. 'Свобода' — культуроспецифичный концепт	211
2. <i>Libertas</i>	212
3. <i>Freedom</i>	216
4. <i>Liberty</i>	223
5. Старое значение слова <i>freedom</i>	229
6. <i>Свобода</i>	233
7. <i>Воля</i>	241
8. <i>Wolność</i>	247
9. Заключение	253
Приложение	256
Примечания	259
Литература	271

МОГУТ ЛИ СЛОВА ЯЗЫКА БЫТЬ КЛЮЧОМ К ПОНИМАНИЮ КУЛЬТУРЫ?

В настоящее время вновь обретают все большую популярность представления, восходящие к идеям Гумбольдта и получившие свое крайнее выражение в рамках знаменитой гипотезы Сепира—Уорфа. В соответствии с этими представлениями язык и образ мышления взаимосвязаны. С одной стороны, в языке находят отражение те черты внеязыковой действительности, которые представляются релевантными для носителей культуры, пользующейся этим языком; с другой стороны, овладевая языком и, в частности, значением слов, носитель языка начинает видеть мир под углом зрения, подсказанным его родным языком, и сживается с концептуализацией мира, характерной для соответствующей культуры. В этом смысле слова, заключающие в себе лингвоспецифичные концепты, одновременно «отражают» или «формируют» образ мышления носителей языка.

Всем известно, что в разных языках существуют лингвоспецифичные обозначения объектов материальной культуры, напр. особых кушаний или напитков (ср., напр., русские слова *щи* или *кефир*). Ясно, что наличие таких слов самым непосредственным образом связано с гастрономическими обычаями носителей соответствующих языков.

Наличие лингвоспецифичных слов может быть связано и с существованием особых обычаев и общественных установлений, характерных для культуры, пользующейся соответствующим языком, а также с особенностями системы ценностей, принятой в данной культуре. Скажем, существование в русском языке глагола *тыкать* 'использовать по отношению к собеседнику обращение на «ты» в ситуации, когда социальные конвенции требуют обращения на «вы»' обусловлено как тем, что в русском речевом этикете раз-

личаются обращением на «ты» и обращением на «вы», так и тем, что обращение на «ты» в определенных ситуациях может восприниматься как предосудительное (употребление глагола *тыкать* предполагает, что говорящий отрицательно оценивает соответствующее действие, считая его оскорбительным, — поэтому, в частности, о героине Пушкина, которая «пустое *вы* сердечным *ты*... обмолвись заменила», нельзя было бы сказать, что она стала *тыкать* собеседнику).

Во всех подобных случаях лингвоспецифичные слова отражают и передают образ жизни, характерный для некоторой данной языковой общности, и могли бы рассматриваться как своего рода свидетельства о каких-то особенностях соответствующей культуры. Но внешняя сторона жизни, материальная культура и общественные ритуалы и установления доступны нашему наблюдению и помимо языковых данных. Пафос целого ряда работ А. Вежбицкой, значительная часть которых вошла в ее книгу *Understanding Cultures through Their Key Words: English, Russian, Polish, German, and Japanese*, состоит в том, что в языке находят свое отражение и одновременно формируются ценности, идеалы и установки людей, то, как они думают о мире и о своей жизни в этом мире, и соответствующие языковые единицы представляют собою «бесценные ключи» (*priceless clues*) к пониманию этих аспектов культуры.

При этом чрезвычайно существенно, что А. Вежбицкая исходит из наличия общей базы для всего разнообразия способов концептуализации действительности, обнаруживаемых в различных языках мира. В соответствии с подходом А. Вежбицкой, любой сколь угодно сложный и причудливый концепт, закодированный в той или иной языковой единице какого-либо из естественных языков, может быть представлен в виде определенной конфигурации элементарных смыслов, которые являются семантически неразложимыми и универсальными — в том смысле, что они лексически закодированы во всех языках. При этом импликация действует в обе стороны. Не только любая семантически неразложимая единица должна быть универсальной, но и любая универсальная (т. е. присутствующая в лексиконе всех языков) единица предполагается семантически неразложимой. Список таких семантических универсалий продолжает уточняться; но незыблемым остается общий принцип, в соответствии с которым экспликация любого лингво-

специфичного концепта состоит в переводе его на «естественный семантический метаязык», лексикон которого и составляет множество семантических элементов.

Таким образом, постулат о связи семантической неразложимости и универсальности естественным образом дополняется в концепции А. Вежбицкой постулатом, согласно которому любой семантически неэлементарный (или, что то же, не универсальный) концепт может быть представлен в виде определенной конфигурации элементарных смыслов (семантически элементарных и универсальных концептов).

У постороннего наблюдателя, не готового а priori принять названные постулаты, некоторые из конкретных решений, принимаемых А. Вежбицкой в процессе семантического анализа языковых единиц, могут вызывать сомнения. Ему может казаться, что при таком подходе семантические различия между «элементарными» единицами (напр., рассмотренные Ю. Д. Апресяном [1994] различия между английским *want* и русским *хотеть*) игнорируются, а семантические различия между «неэлементарными» единицами, которые интуитивно ощущаются семантически близкими (напр., между английским *liberty* и латинским *libertas* или между русским *друг* и английским *friend*), преувеличиваются. В результате близкие по смыслу «неэлементарные» единицы разных языков иногда предстают как имеющие мало общего, поскольку их развернутые экспликации существенно отличаются друг от друга. С другой стороны, соответствующие друг другу «элементарные» единицы объявляются семантически тождественными, а их интуитивно ощущаемые различия приписываются разного рода «возмущающим факторам», таким как «резонанс», связанный с различным местом единиц в языковой системе, полисемией и т. п.

Но дело в том, что, если стремиться дать лингвоспецифичным языковым единицам экспликации, не зависящие от конкретных языковых и культурных конвенций, едва ли можно найти альтернативу подходу А. Вежбицкой. Когда мы дошли до единиц, значение которых нельзя истолковать посредством формул, состоящих из семантически более простых единиц, мы уже не располагаем инструментом, который позволил бы эксплицировать различия между ними в виде толкований. Различия между такими единицами оказываются невербализуемыми в рамках естественного языка, а использование по отношению к ним условных ярлыков (не обще-

понятных и потому, в свою очередь, нуждающихся в истолковании) сделало бы толкования круговыми.

Иными словами, при построении универсального метаязыка толкований, не зависящего от особенностей конкретного естественного языка и конкретной культуры, мы вынуждены пренебречь межъязыковыми различиями между словами, соответствующими единицам этого языка, — такими как русское *хотеть* и английское *want* или русское *ты* и английское *you* (в последнем нет элемента «неформальности», присутствующего в русском *ты* в силу наличия противопоставления *ты* — *вы*), — вынуждены игнорировать «обертоны» в семантике этих слов. Здесь важно, что все единицы «естественного семантического метаязыка» предполагаются универсальными, т. е. имеющими соответствия в любом отдельно взятом языке. Требованию универсальности в последнее время А. Вежбицкая придает, пожалуй, даже большее значение, чем требованию семантической неразложимости, поскольку универсальность легче поддается эмпирической проверке. Тем самым, если отвлечься от незначительных «обертонов», толкования, написанные на «естественном семантическом метаязыке», не зависят от особенностей конкретного языка и могут быть переведены на любой язык. Поэтому совершенно не соответствует действительности утверждение, которое можно обнаружить в одном из новейших учебников по семантике (Saeed 2000: 261), будто А. Вежбицкая фактически отказывается от поисков универсального метаязыка и использует в качестве инструмента толкований английский язык. Сказанное скорее может быть отнесено как раз к тем подходам, которые А. Вежбицкая подвергает критике. Что же касается словаря используемого ею метаязыка, то он действительно может рассматриваться как некоторая ядерная часть английского словаря — но ровно в той мере, в которой эта ядерная часть включает в себя единицы, имеющие эквиваленты (с точностью до «обертонов») во всех языках мира.

Совсем иначе А. Вежбицкая подходит к лексическим единицам, не входящим в выделяемую таким образом ядерную часть. Здесь тончайшие нюансы, различающие семантически сходные единицы разных языков, не считаются незначительными «обертонами» и подвергаются детальному анализу и подробной экспликации на «семантическом метаязыке». Решающую роль при этом играет то, что такие единицы не являются универсальными и должны рассма-